

М.Ю. Мягков

ПЯТНАДЦАТЬ УРОКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ НА «ПОЛЯХ БОЕВ» ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

Первый и главный урок Второй мировой войны состоит в том, что третьей мировой войны не должно произойти, так как в ней не будет победителей, останутся лишь руины человеческой цивилизации. «Я не знаю, каким оружием будут сражаться в 3-й мировой войне, — говорил великий ученый А. Эйнштейн, — но в 4-й мировой войне будут сражаться палками и камнями». По некоторым подсчетам, человечество потеряло во Второй мировой 55 миллионов человек.¹ В концентрационные лагеря и лагеря уничтожения за годы войны гитлеровцами было отправлено 18 миллионов человек, 11 миллионов из них уничтожены.

В Советском Союзе людские жертвы достигли 26,6 миллиона человек. Во многом это произошло в результате бесчеловечного нацистского обращения с нашими военнопленными и гражданскими лицами. Рождаемость в СССР сократилась в годы войны на 15,5 миллиона человек. В РСФСР оккупации подверглись полностью или частично 23 области, края и автономных республики. Сталинград, Севастополь, Новороссийск, Керчь, Ржев были превращены в руины. Беды, пережитые людьми, беспредельны. Победа, выстраданная нашим народом, бесценна на все времена и попытки бросить на неё тень — не только нравственное преступление, но шаг на пути развязывания новых войн.

Война сопровождается жестокостью и ненавистью, а завоевательная война убивает не только тела, но и души людей, которые встают на путь преступлений против человечества. Так случилось с гитлеровским рейхом. И лишь десятилетия спустя немцы смогли избавиться от той страшной нацистской прививки, которая была вприснута им германским фюрером.

Порой говорят, что войны являются двигателями прогресса. Но это заявления от лукавого. Кто подсчитал число не случившихся открытий, загубленных творческих озарений, никогда не увидевших свет гениев из-за того, что кому-то захотелось властвовать над другими с помощью военной силы? Организация Объединенных наций помогла удержать человечество от глобальных конфликтов, грозящих всемирной катастрофой. Но в течение последних 70 лет после окончания Второй мировой войны случились сотни малых войны и региональных конфликтов, унесших миллионы жизней. Фитиль войны продолжает тлеть и может разгореться на наших глазах.

Второй урок говорит о том, что войны можно было избежать, что борьба с этой опасностью должна вестись, пока война еще не началась. Однако между СССР и

западными демократиями в 1920-1930-е годы существовал кризис доверия, что предопределило втягивание человечества в глобальный конфликт.

Хорошо известно, что аппетиты нацистской Германии и ее союзников в условиях отсутствия реального противодействия со стороны Англии, Франции и США в 1930-е годы только росли. В гражданской войне в Испании 1936-1939 гг. Италия и Германия открыто поддержали фашистский мятеж против законного республиканского правительства. Следующей жертвой фашистов стала Австрия, куда 11 марта 1938 г. были введены немецкие войска. Это было прямым нарушением Версальского мирного договора. Но Англия и Франция не выступили в защиту Австрии. Советское правительство обратилось ко всем державам с призывом организовать коллективную защиту всех стран, которым угрожала агрессия. Но этот призыв остался без ответа, уступки Гитлеру продолжались.

В свою очередь СССР делал реальные шаги навстречу улучшения отношений с соседними странами. В начале 1930-х годов были подписаны договора о ненападении или нейтралитете с Афганистаном, Польшей, Литвой, Финляндией, Францией, Италией. В 1933 г. Москва добилась подписания конвенции с рядом государств, где давалось определение агрессии, включая агрессию прямую и агрессию косвенную.

В сентябре 1934 г. СССР был приглашен войти в Лигу наций, и занял место постоянного члена ее Совета. В мае 1935 г. Москва подписала двусторонние договоры о взаимопомощи в случае агрессии с Чехословакией и Францией. Однако по предложению правительства в Праге военная помощь Чехословакии со стороны СССР обуславливалась такой же помощью ей со стороны Франции, что во многом обесценивало эти важные обязательства. Несмотря на то, что советская внешняя политика (руководителем наркомата иностранных дел до 1939 г. являлся М.М. Литвинов) после прихода к власти нацистов переориентировалась на сотрудничество с «западными демократиями», в правящих кругах последних преобладало эгоистическое отношение к взаимодействию с СССР, недоверие к его политике. Ими были отклонены предложения Москвы о заключении регионального пакта по поддержанию мира на Тихом океане и т.н. «Восточного пакта» о коллективной безопасности в Европе.

Стоит заметить, что среди самих западных держав не было полного взаимопонимания о методах противодействия агрессии. США, проводившие политику изоляционизма, не стремились использовать свой потенциал для защиты даже своих потенциальных союзников. Накануне общеевропейского конфликта, в первой половине 1939 г., в Вашингтоне крайне настороженно относились к постановке вопроса о возможной помощи Великобритании и Франции. Некоторые исследователи заостряют внимание на том, что руки президента Рузвельта были связаны основными положениями Акта о нейтралитете, давлением со стороны изоляционистов, активистами движения за мир из студенческой среды, различными религиозными группами, особенно католикамиⁱⁱ. Кроме того, значительная часть

американских деловых кругов оказывала материальное содействие Германии, что во многом было обусловлено структурой монополистических связей. Почти 2,5 тыс. авиамоторов в 1933-1939 гг. были закуплены немецкими фирмами в США; ряд германских заводов по производству моторов работали на базе новейшей американской технологииⁱⁱⁱ.

Роль Советского Союза в разразившемся перед войной кризисе виделась в Вашингтоне преимущественно с негативной стороны. Там образ Советского Союза был органично связан с такими понятиями как «экспансия революции» и «агрессивность» коммунистического режима. Соответственно, идея вступления с таким государством в возможный союзный альянс изначально обрекалась на жесткую критику внутри самой Америки^{iv}.

Курс Рузвельта на сотрудничество с СССР, логичным следствием которого стало признание Советского Союза в 1933 г., казалось, мог переломить устоявшиеся негативные представления о диалоге с Москвой. В Советской России также связывали определенные надежды на укрепление своего экономического и внешнеполитического положения путем более тесного взаимодействия с США. Но, к сожалению, прорыва во взаимоотношениях двух стран, как в области торговли, так и в поддержании международной безопасности не произошло. На президента и Госдепартамент достаточно сильное влияние оказывали сторонники «жесткой» линии в отношении СССР — Ч. Болен, У. Буллит, Н. Гендерсон и др.

В современных условиях мы должны помнить, что условия для строительства общего не только европейского, но и мирового дома, существуют. Но важен позитивный взгляд на своего партнера, поиск с ним компромиссов ради достижения главной цели – стабильного мира, в котором не было бы места не только тотальной, но и малым войнам, терроризму. Источник угрозы (которым стала Германия после 1933 года) западные демократии недооценили, также как недооценивают сегодня террористические и неонацистские движения в различных азиатских и европейских странах. А это опасный симптом надвигающегося нового глобального кризиса.

Третий урок. Опыт войны показывает, что политика «умиротворения» агрессора (политика Мюнхена), беспринципных сделок и секретных протоколов, непонимание разницы между демократией и фашизмом ни к чему хорошему не приводит.

Только после того, как агрессор захватил едва ли не всю Западную Европу, Англия и США стали искать реальных контактов с советской стороной, в результате чего после 22 июня 1941 года была образована Антигитлеровская коалиция. В предвоенные годы западные лидеры не расставались с иллюзорной надеждой достичь компромисса с Германией, тогда как их курс «основывался на реальных расчетах... направить фашистскую агрессию против СССР»^v.

Политика же советского правительства была направлена, прежде всего, на обеспечение безопасности СССР и предотвращение войны. Государственное и партийное руководство считало, что враждебное социализму капиталистическое

окружение неизбежно предпримет военные акции против Советского Союза. В середине 1930-х годов стало ясно, что наиболее вероятными противниками в войне выступают Германия, Италия и Япония. В то же время советское руководство считало необходимым укрепить международное положение страны путем расширения связей с неагрессивными капиталистическими государствами, создать на договорной основе систему коллективного отпора агрессии^{vi}.

Одним из ключевых событий, которое в итоге привело ко Второй мировой войне, явилось мюнхенское соглашение 1938 г.

29-30 сентября 1938 г. в Мюнхене руководители Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини), Великобритании (Н. Чемберлен) и Франции (Э. Даладьё) предписали правительству Чехословакии передать Германии в десятидневный срок около 1/5 своей территории — Судетскую область, в которой проживали т.н. судетские немцы. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение правительства Чехословакии к этому диктату во внимание не принималось.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий (США одобрили мюнхенское соглашение). В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые, по сути дела, являлись пактами о ненападении. 16 ноября Англия признала захват Италией Эфиопии.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушала с таким трудом создававшийся каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи. Соучастниками мюнхенского сговора и раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую область, Венгрия — Закарпатскую Украину. В Москве сделали однозначный и в целом правильный вывод: мюнхенское соглашение — прямая военная угроза Советскому Союзу.

Иллюзии англо-французских стратегов развеялись довольно скоро. В декабре 1938 г. была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. 15 марта 1939 г. германские войска вышли за границы Судетской области и вскоре вступили в столицу Чехословакии Прагу. 31 марта Англия, а затем Франция объявили о своих собственных гарантиях Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования и демонстративную поддержку её Англией и Францией, утвердил план «Вайс» (войны с Польшей) и установил срок готовности к ней — 1 сентября 1939 г.

Обратный отсчет начала войны был уже запущен. Однако еще существовала надежда на то, что, если СССР, Англия и Франция выступят единым лагерем, то Германия испугается войны на два фронта, Гитлер вспомнит итоги Первой мировой

войны и не рискнет начать боевые действия. Период марта – августа 1939 г. — это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленные на поиски союзников и разобщение противников. Для советского руководства существовала альтернатива: достичь договоренности с Лондоном и Парижем или с Берлином. Цель однозначна: не допустить втягивания СССР в войну, создать более благоприятные внешнеполитические условия для обороны страны. В свою очередь каждая из великих держав стремилась привлечь на свою сторону СССР в качестве союзника.

Важнейшее значение в конкретно сложившейся обстановке имели переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции, совещание которых происходило в Москве 12-22 августа 1939 г. Но переговоры зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию в случае немецкой агрессии против этой страны. Глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщал из Москвы в Париж 20 августа: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию». В условиях военной опасности и нежелания западных демократий идти на действенные соглашения, СССР решил резко поменять приоритеты и ответить на предложения Германии заключить двусторонний договор.

В ночь с 23 на 24 августа в Кремле между СССР и Германией был подписан договор о ненападении сроком на 10 лет. Это политическое решение советского правительства на какое-то время гарантировало страну от войны с Германией, с её реальными и потенциальными союзниками. Германия избавлялась от угрозы войны на два фронта при нападении на Польшу и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась.

Секретный протокол к договору предусматривал раздел «сфер интересов» между Германией и СССР и являлся важной составной частью подписанного документа. К «сфере интересов» СССР относились Финляндия, Эстония, Латвия, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия, что ограничивало продвижение германских армий к границам СССР в случае возникновения войны в Европе. Это были государства или территории, которые отторгли от России после Первой мировой войны решениями, принятыми в Версале, или путем прямых аннексий.

Историки до сих пор спорят относительно военных, политических и моральных последствий раздела СССР с Германией в 1939 г. сфер интересов в Восточной Европе. То, что эти договоренности происходили за спиной других государств и противоречили предыдущему курсу советской внешней политики на создание системы коллективной безопасности, — факт. Договор социалистической страны с фашистской Германией дезориентировал и ослабил мировое коммунистическое движение, считавшее борьбу с фашизмом своей главной задачей. Однако нельзя забывать, что Советский Союз действовал в то время в условиях роста агрессивных устремлений руководства третьего рейха, отсутствия взаимопонимания с Англией и Францией,

наличия угрозы своим дальневосточным границам со стороны милитаристской Японии. Кроме того, советская разведка доносила в Москву, что Германия готовит почву для вступления своих вооруженных сил в Прибалтику — а это была уже непосредственная угроза Ленинграду и центральным районам СССР. Идея на сделку с Германией, Москва сознавала свою неготовность к большой войне. Другими словами, договор между СССР и Германией от 23.08.1939 г. сделал окончательно невозможным создание Антигитлеровской коалиции с участием СССР до начала мировой войны. Но пакт с Германией (который по именам подписавших его людей чаще называют пакт «Риббентропа-Молотова») был для СССР вынужденной сделкой, неизбежной в свете срыва англо-франко-советских переговоров. Главные выводы относительно этого документа следующие: во-первых, нельзя обеспечивать свою безопасность за счет других стран, необходимо постоянно подчеркивать связь политики и морали. И, во-вторых, нельзя допускать срыва переговоров, направленных на создание коалиции против агрессии. Выход из нее одного из членов, фактический ее развал – дает зеленый свет войне.

Определенное содействие заключению союза против агрессоров могли в то время оказать Соединенные Штаты. Но американская внешняя политика занимала скорее выжидательную позицию. Пока их не трогали, США не желали ввязываться в борьбу. Профессор В.Л. Мальков замечает, что «в Вашингтоне не было единой позиции в отношении идущих переговоров между СССР, с одной стороны, и Англией, и Францией – с другой, а в определенных влиятельных кругах преобладало даже мнение, что они не могут быть полезными. Сказывалось очень сильное влияние той отрицательной реакции общественности на волну политических репрессий, которая захлестнула страну (СССР) в 1937-1938 гг.»^{vii} «Профессионалы» из Госдепа не были шокированы советско-германским пактом о ненападении от 23 августа 1939 г. В их глазах это лишь доказывало правильность предыдущих прогнозов о потенциально «экспансионистском» характере советского внешнеполитического курса. Не стоит говорить, что подобные прогнозы строились отнюдь не на глубоком анализе активных попыток Москвы в середине 1930-х годов участвовать в создании системы коллективной безопасности в Европе.

В западных демократиях, в том числе в Соединенных Штатах, до нападения Германии на СССР преобладающим было мнение, что СССР не сможет стать действенным союзником в борьбе с Гитлером по причине его военной слабости. Во многом поэтому союз с СССР, который мог предотвратить Вторую мировую войну, не стал реальностью. Господствующими были оценки, по которым Красная Армия была способна лишь на кратковременное сопротивление. Преваляла тенденция считать СССР «великаном на глиняных ногах». Распространялись комментарии негативного содержания, такие как министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса, который утверждал, что «с 1921 по 1923 гг. Советская Россия казалась неотвратимой опасностью, и все думали, что ее армия пронесется по всей Европе со своей идеей мировой революции. Но затем Россия устала и перестала быть той угрозой, которой являлась ранее... СССР не только не способен вести

наступательную войну, но и вряд ли сможет надежно оборонять свою собственную территорию»^{viii}.

Такие оценки свидетельствуют не только об отсутствии необходимой информации у западных политических деятелей, но и о заданной тенденции видеть в СССР только непримиримое зло. Эта тенденция основывалась на идеологических и политических противоречиях. Суждения о неэффективности Красной Армии совершенно не принимали в расчет форсированное индустриальное развитие СССР в 1920-30-е годы. Все это дорого обошлось западным демократиям, предопределив разгром англо-французской коалиции в 1940 г. Последнее обстоятельство сделало для Гитлера возможным начать непосредственную подготовку к войне уже против Советского Союза.

Четвертый урок — нашей стране всегда надо быть готовым к большой войне, и не встречать ее так, как случилось 22 июня 1941 г.

Летом 1940 г. расчеты Сталина на затяжную для Германии войну на западе рухнули. Соотношение сил резко изменилось в пользу агрессоров. Время подготовки страны к обороне оказалось сжатым до предела. Массированное применение немцами против французов и англичан танков и авиации требовало коренного пересмотра многих положений стратегии, но с этой задачей политическое и военное руководство страны в должной мере не справилось.

Начиная с весны 1941 г. в действиях Сталина и его окружения очевидны нарастающие признаки смятения и неопределенности. В Наркомате обороны и Генеральном штабе большинство военных считали, что Красная Армия успешно отразит нападение вермахта, и война в короткие сроки будет перенесена на территорию противника. Но оборонительное строительство велось с запозданием, не отвечало характеру ведущейся Германией войны. Войска приграничных округов с большим опозданием были приведены в полную боевую готовность, и для большинства из них нападение Германии оказалось внезапным.

Это произошло по ряду причин: 1) опасение Сталина своими активными приготовлениями у границы спровоцировать войну, тогда как разведка доносила, что Англия и США могут пойти на сотрудничество с Германией, если Красная Армия будет представлена немецкой пропагандой в качестве зачинщика конфликта. В этой связи становится понятнее та часть заявления ТАСС от 13 июня 1941 г.¹, в которой говорилось, что слухи о нападении СССР на Германию являются «лживыми и провокационными»; 2) боязнь многих командиров (которые были назначены на свои должности после прокатившихся в армии в 1936-1938 гг. массовых репрессий) принимать инициативные меры по приведению своих частей в боеготовность; 3)

¹ В заявлении также говорилось, что слухи о подготовке Германии к нападению на СССР «лишены всякой почвы». На этом основании многие историки считают, что это заявление дезориентировало армию и страну относительно реальной обстановки – война началась через несколько дней.

неоправданная убежденность Сталина и его окружения в том, что войны в 1941 г. удастся избежать, так как в тылу Германии еще оставалась неразбитая Англия; 4) противоречивость спецсообщений и разведсводок о планах Германии и сроках её вероятного нападения на СССР.

Германские генералы готовили кампанию тщательно – с той педантичностью, которая была свойственна им еще со времен франко-прусской и Первой мировой войны. Руководство верховного командования вооруженных сил и главного командования сухопутных войск рассчитывало использовать внезапность нападения, силу и опыт своих войск в качестве основных козырей в будущей агрессии. В поле зрения гитлеровских военачальников (прежде всего штабных офицеров, отвечавших за разработку будущих операций) попадали, а затем анализировались самые разнообразные факторы. Так, безусловным преимуществом вермахта они считали недостаток в СССР хороших шоссейных и железных дорог, проходящих вдоль его западной границы или ведущих на восток. Это справедливо считалось препятствием для перегруппировки войск РККА на фронте и отступления из намечавшихся котлов. Надо сказать, что германская разведка переоценила масштабы концентрации советских войск вблизи границы, имела слабое представление о резервных армиях, расположенных к востоку от Днепра и Западной Двины. Когда приграничные сражения должны были завершиться, план «Барбаросса» предусматривал наступление германских групп армий по расходящимся направлениям. Таким образом, замечает историк Д. Глэнтц, с самого начала в плане войны с СССР было заложено опасное распыление военной силы вермахта^{ix}.

Уверенность руководителей германской военной машины в успехе базировалась и на факте быстрого общего численного роста вооруженных сил. Еще в сентябре 1940 г. в Германии был осуществлен дополнительный призыв резервистов, что позволило увеличить численность вооруженных сил с 5765 тыс. чел. в июне 1940 г. до 7329 тыс. в июне 1941 г.^x

15 февраля 1941 г. штабом ОКВ за подписью его начальника В. Кейтеля была издана специальная директива по дезинформации противника. В ее основе лежала задача убедить руководство РККА, что сосредоточение немецких войск на Востоке есть ни что иное, как отвлекающие меры для подготовки вторжения в Англию – «величайший в истории дезинформационный маневр»^{xi}.

У Гитлера, равно как и у большинства представителей высшего германского руководства, была и психологическая уверенность, что Советский Союз не способен вести современную войну. Территория и население – вещи вторичные. С выходом на рубеж Днепр – Западная Двина будет достигнут решающий успех, а сопротивление РККА прекратится. На самом деле, именно за линией Днепр-Западная Двина и началось по-настоящему ожесточенное сопротивление Красной Армии гитлеровскому вермахту – тому свидетельства Смоленское сражение, бои на Лужском рубеже, оборона Киева. Всего этого недооценили стратеги вермахта.

Но летом 1941 года СССР действительно оказался на краю пропасти. По сути, большинство советских танковых и механизированных дивизий, объединенных в составе 20 механизированных корпусов, являлись боееспособными единицами лишь на бумаге. В необходимых количествах в частях отсутствовали средства связи, что самым негативным образом сказалось на управлении войсками. Укомплектованность радиостанциями в звене Генеральный штаб – фронт была всего 35 %, армия – корпус – всего 11 %, в дивизиях – 62 %, телефонными аппаратами части были обеспечены всего на 65 %. Обеспеченность инженерной техникой находилась в пределах 50 %, а средствами минирования и того меньше.

В пяти советских приграничных округах (Ленинградский, Прибалтийский Особый, Западный Особый, Киевский Особый и Одесский) к началу войны находилось 186 дивизий, насчитывающих в общей сложности 3 млн чел., 39 тыс. орудий и миномётов, 11 тыс. танков и 9,1 тыс. самолётов^{xii}. Из них танков новых типов (КВ и Т-34) – 1475, боевых самолетов новых типов – 1540, хотя общее превосходство в количестве танков и самолетов было у советской стороны^{xiii}. По мобилизационному плану, подготовленному в начале 1941 г., в приграничных округах, которые представляли собой первый стратегический эшелон советской обороны, намечалось сосредоточить 237 дивизий из общего числа 303^{xiv}, тогда как 57 дивизий (второй стратегический эшелон, находящийся под контролем Ставки) сконцентрировать по рекам Днепр и Западная Двина для развития контрнаступления, начатого передовыми фронтами. Саперные части по большей части занимались строительством новых рубежей, тогда как уровень их боевой подготовки оставался на крайне низком уровне. Большинство новых УРов не были обеспечены необходимым вооружением, прежде всего артиллерийским. Ко всему этому необходимо было готовиться еще заблаговременно, но время было упущено.

Несмотря на внушительные цифры, советские войска морально и институционально не были подготовлены к тому первому удару, который намеревался нанести Гитлер. Красная Армия находилась на этапе гигантской реорганизации. Ускоренно создавались новые механизированные и стрелковые корпуса, исходя из опыта польской и финской кампаний шел процесс переобучения личного состава, освоения им приемов современного боя, строились аэродромы и укрепления, осваивался выпуск последних образцов танков и самолетов. Выходили многочисленные приказы по укреплению воинской дисциплины, строгому выполнению воинских уставов, проведению занятий (прежде всего частей и подразделений) в любое время суток, при любой погоде. Но это было только начало пути, далекого от своего завершения.

Устранить все недостатки в подготовке войск, привести их в надлежащую степень боееспособности к началу войны не удалось. Штабы и молодые командиры, многие из которых занимали свои должности не более полугода, успели приобрести лишь начальные навыки в управлении вверенным личным составом. Тогда как недавно призванные рядовые солдаты прошли лишь начальную подготовку. Быстрый

рост армии привел к выдвижению на руководящие должности новых офицеров (общая численность командно-начальствующего состава на 1 января составила в РККА 579,5 тыс. чел.), и всего лишь 7 % из них имело высшее образование, 25 % ускоренное и 12 % - не имели военного или специального образования. Репрессии конца 1930-х годов унесли в армии и на флоте около 40 тыс. чел^{xv}.

Войска не только лишились многих опытных военачальников. Остается фактом – накануне войны ни в верховном руководстве, ни на уровне военных округов не было дано правильного ответа на важнейший вопрос, каков будет характер будущей войны. Что произойдет, если Германия и ее союзники выступят против СССР, имея полностью развернутые главные силы? Не было ясности и в том, как совместить оборонительную стратегию с оперативной концепцией ведения последовательных наступательных операций («глубокой операции» - по терминологии 1930-х гг.). В итоге врага собирались остановить вблизи границ накоротке, а с подходом резервов развивать контрнаступление вглубь территории противника. Пагубность такого взгляда на будущее начало войны до 22 июня осознана не была.

Ко всему прочему, в наркомате обороны и Генштабе мало кто мог предположить, что противник сможет в кратчайший срок нанести решительное поражение советским армиям прикрытия. Казалось невероятным то обстоятельство, что войска приграничных округов (для укрепления которых так много делалось в 1940-1941 гг.) в считанные дни отступят на сотни километров на восток, ряд армий будет полностью уничтожено, другие обескровлены, а сотни тысяч бойцов и командиров РККА попадут в плен.

Во многом нас спасло в 1941 году то, что моральный потенциал наших войск был на высоте. Любовь к Родине, социалистическому государству, декларирующему социальную справедливость, – все это непреложные факты того времени. Возвращение к более глубокому изучению в школах и вузах основ отечественной истории с древнейших времен позволило государству на рубеже середины 1930-х годов воспитывать молодежь – будущих воинов на драгоценных примерах победы русского оружия в сражениях с тевтонскими рыцарями, Османской империей, наполеоновской «великой армией» и др. Это был вынужденный, но крайне своевременный шаг правительства в деле подготовки к будущей войне.

Однако целый ряд обстоятельств препятствовал безоговорочному единству в рядах РККА, чем не замедлила воспользоваться германская пропаганда с началом войны. Значительная часть советских крестьян недолюбливала советскую власть за насильственно проведенную коллективизацию, многие жители западных областей Белоруссии, Украины, Прибалтики сопротивлялись присоединению к СССР, а затем массами дезертировали из Красной Армии летом 1941 г.

Людской и моральный потенциал, созданная в кратчайшее время тяжелая промышленность создавали уверенность в победе над врагом. Но жесткие методы управления государством, ошибки в строительстве вооруженных сил подрывали авторитет центральных и местных властей.

Следует сказать и еще об одном главном просчете нашего командования, без которого война могла пойти по другому сценарию с самого начала. Мы не привели вовремя в боеготовность свои части, как того требовала боевая обстановка. Ведь что происходило на самом деле. В середине мая 1941 г. поступили распоряжения Генштаба о выдвижении ближе к границе армий второго стратегического эшелона (22, 21 и 16-й) из Забайкалья и внутренних округов, две из которых (21-я и 16-я) сосредоточивались на Украине, а 22-я в Восточной Белоруссии. Вскоре были отданы распоряжения о подготовке к передислокации 19, 20, 24 и 28-й армий. К началу войны эти армии были, в основном, еще в пути и лишь начинали выгрузку в намеченных районах. Отмечая огромную значимость решения о переброске объединений на запад, следует заметить, что большая часть войск намечалась для ведения боевых действий на Юго-Западном ТВД – Украине, тогда как враг сосредоточивал главный удар в Белоруссии. Вскоре после начала войны многие соединения вынуждены были вновь совершать длительные марши навстречу наступательным колоннам врага, вступая в бой по частям и прямо с колес. Высокие потери армий второго стратегического эшелона были обусловлены и их слабой укомплектованностью вооружением и техникой, небольшим запасом горючего.

12 июня нарком обороны маршал С.К. Тимошенко отдал директивы о переброске к границе стрелковых дивизий, расположенных в тыловых районах приграничных округов. К 15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных округов, пришли в движение, с соблюдением строжайшей маскировки, по ночам. Однако из-за нехватки автотранспорта их марш к границе происходил крайне медленно. Но даже если бы поставленные сроки нового сосредоточения были соблюдены, советские войска на западном ТВД все равно не смогли бы полностью решить поставленную задачу – встретить врага развернутыми силами. Так, в директиве Военному совету КОВО указывалось «все глубинные дивизии с управлениями корпусов» перевести ближе к границе лишь к 1 июля 1941 г. Сроки выдвижения утверждались, исходя не из реальной даты нападения Германии, а из возможностей (оцениваемых весьма преувеличенно) самих соединений РККА.

Время до 15 июня 1941 г. явилось, вероятно, последним критическим рубежом, когда войска советских приграничных округов в случае приказа сумели бы перейти в состояние полной боевой готовности и достойно встретить агрессию.

Но своевременного распоряжения высшего политического руководства не последовало. Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941, армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на линию Днепр – Западная Двина, объединялись в группу резерва Главного Командования (19, 20, 21 и 22 армии).^{xvi} С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указания к 22-23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты. Это решение, равно как и запоздалое распоряжение об ускорении приведения в

боеготовность укрепленных районов от 16 июня, предотвратить катастрофическое развитие ситуации в первые часы войны уже не могли.

Командующие округами были персонально предупреждены Жуковым (в то время начальник Генштаба) и наркомом Тимошенко (по указанию Сталина) как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации. 11 июня 1941 г. они получили указание Генштаба полосу предполья без особого указания не занимать.^{xvii} 14 июня нарком обороны и начальник Генштаба, получая неопровержимые данные о противнике, в очередной раз просили Сталина о приведении войск в полную боеготовность, но вновь последовал отказ. Любые меры, которые могли бы быть истолкованы командованием вермахта, как приведение советских войск в полную боевую готовность, пресекались Кремлем строжайшим образом. Результат известен – развернутым и приведенным в полную боевую готовность войскам вермахта противостояла на западе хотя и большая по численности танков и самолетов, но не боеготовая, находившаяся на стадии формирования и не имевшая плана глубокой оборонительной операции советская трехмиллионная группировка.

Все это и предопределило первоначальный разгром наших приграничных округов.

Пятый урок задает нам вопрос, что защищали советские люди, в чем заключалось единство фронта и тыла?

Советский Союз не смог бы выстоять в жесточайшей схватке с врагом, если бы за спиной армии не было надежного тыла. Тыл войны нужно готовить заблаговременно. В этом отношении в СССР не все было сделано на должном уровне. Но было осознание главного, что люди (подавляющее их большинство) защищали свою страну, которую, несмотря на все невзгоды, глубоко любили.

В понятие Родины миллионы павших и живых вкладывали все лучшее, связанное с жизнью государства, общества, своей семьи и детей. Они знали, что ведут войну за правое дело, и в большинстве своем не сомневались в конечной победе. Государственный патриотизм, гордость за достижения советской власти, приверженность идеалам социальной справедливости, сопричастность к успехам и неудачам Красной Армии – важная особенность настроений и поступков людей того времени. Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся тем, что народ занялся преобразованиями в некогда экономически отсталой стране, тогда как угроза войны отодвигала на задний план достижение личного материального достатка.

Важным слагаемым существовавшего строя была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав СССР, воспринимались как преимущество системы. Угроза нацистского порабощения подняла на борьбу с захватчиками большинство населения страны независимо от классовой, национальной принадлежности, вероисповедания и возраста. В мае 1942 г. в числе 5,5 млн. человек на фронтах

Действующей армии воевали около 1,2 млн. человек нерусской национальности. Среди Героев Советского Союза – представители почти всех национальностей СССР, в том числе русских – 8160 человек, – украинцев 2069, белорусов – 456, татар – 161, евреев – 109, казахов – 96 и т.д.

Со времени нападения Германии на СССР положение в советском обществе качественно изменилось. Более глубоким содержанием наполнялись такие понятия как взаимовыручка и коллективизм, сострадание, любовь к родине и ненависть к захватчикам. Эти качества проявились в героизме и мужестве, бескорыстии и самопожертвовании на фронте и в тылу. В центре государства и системы находился И.В. Сталин, он был её единовластным руководителем. С его именем связаны и трагедия, и победа в войне. Для большинства народа имя Сталина было связано и с горечью поражений и уверенностью в разгроме агрессоров. Надо сказать, что масштабы необоснованных репрессий в 30-х гг., в том числе в армии и на флоте, в то время не были известны.

Военная служба согласно Конституции 1936 г. являлась «почетной обязанностью каждого гражданина СССР», и была таковой в реальной жизни. Ещё до Великой Отечественной войны награжденные, к примеру, медалью «За отвагу», становились едва ли не национальными героями. С началом Великой Отечественной войны это особое отношение к Вооруженным Силам помогало единению сил для отпора агрессорам.

Для большинства советского народа понятие единства армии и народа сразу после начала войны было подкреплено осознанием единства фронта и тыла. Первой демонстрацией этого единства явилось народное ополчение – одна из наиболее массовых форм добровольного участия советских граждан в вооруженной борьбе с захватчиками, известного на Руси с далекого прошлого. Только за первые три дня войны в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах было подано десятки тысяч заявлений с просьбой отправить на фронт. Части граждан было отказано, как незаменимым специалистам в тылу, другим удалось добиться записи в ополченческие подразделения, которые проходили краткую подготовку перед отправкой на фронт. Летом и осенью 1941 г. было создано до 60 дивизий народного ополчения (дно), 200 отдельных полков. Их общая численность составила около 2 млн. человек. В Москве в начале июля 1941 г. были сформированы 12 подобных дивизий. Несмотря на свою краткосрочную подготовку и отсутствие военного опыта, ополченцы дрались героически. Многие из них погибли в районе Вязьмы осенью 1941 г. В последующие месяцы войны дивизии народного ополчения переформировывались в кадровые дивизии Красной Армии.

Шестой урок касается важности массовой пропаганды. Газеты, листовки, литературные произведения убеждали в силе и непобедимости советского государства, его армии, славил отечественных героев, раскрывали страдания народа.

Культурная жизнь страны преобразилась. В искусстве ведущими темами стали патриотизм, ненависть к гитлеровским оккупантам, массовый героизм советских людей в тылу и на фронте, на захваченных врагом территориях, справедливость защиты Отечества. В годы войны вышли такие и поныне известные произведения, как «Волоколамское шоссе» А. Бека, «Дни и ночи» К. Симонова, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Фронт» А. Корнейчука, «Зоя» М. Алигер, «Василий Теркин» А. Твардовского, первые главы книги М. Шолохова «Они сражались за Родину», отдельные главы «Молодой гвардии» А. Фадеева. Массовыми тиражами издавались и передавались по радио произведения А. Толстого, Н. Тихонова, К. Федина, А. Суркова, и многих других писателей и поэтов.

Большой популярностью в годы войны пользовались кинофильмы «Она защищает Родину», «Зоя», «Два бойца», «Секретарь райкома», «Небесный тихоход», «В шесть часов вечера после войны» и другие.

Свой вклад в победу внесли и советские композиторы. Огромный успех в блокадном Ленинграде имела получившая затем всемирную известность Седьмая («Ленинградская») симфония Д. Шостаковича. Призывным набатом звучала песня «Священная война», написанная композитором А. Александровым на слова В. Лебедева-Кумача. На фронте и в тылу слушали лирические песни на музыку В. Соловьева-Седого.

Широкий размах приобрело выступление на фронтах концертных бригад, в составе которых находились популярные певцы и актеры: М. Жаров, И. Козловский, Н. Крючков, М. Ладынина. Л. Утесов, К. Шульженко и другие. За годы войны концертные бригады дали для воинов свыше 1,3 млн спектаклей и концертов.

В военно-патриотическом воспитании усилилось тяготение к поискам глубоких исторических корней патриотизма, начиная с самых ранних периодов истории Российского государства. Преимущество отдавалось его военной и внешнеполитической истории. Место канонизированных героев Гражданской войны все увереннее занимали великие князья, цари и полководцы царской армии. Широко пропагандировалась слава русского оружия. Выходят брошюры и статьи, посвященные Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Суворову и др. В 1943 г. армии возвратили погоны, для офицерского состава были учреждены ордена выдающихся русских полководцев и флотоводцев. Популярными героями стали Иван IV и Петр I, которые также были призваны оправдать жесткость сталинского режима. В исторической науке поощрялись работы, посвященные их деятельности.

Главарь третьего рейха понимали значение культуры в борьбе советского народа против нацистской агрессии, они подвергли многие центры культуры и национальные святыни на территории СССР уничтожению или опустошению. Среди них 427 разграбленных музеев, 1670 поверженных храмов, сотни библиотек и архивов, 564 тыс. похищенных картин, скульптур и многое другое. Поиски некоторых ценностей, как например, Янтарной комнаты, похищенной оккупантами из Екатерининского дворца под Ленинградом, продолжаются до сих пор.

Осенью 1941 г., когда враг стоял у ворот Москвы, впервые был произнесен тезис об особой роли русского народа. 6 и 7 ноября в докладе на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции (оно проходило в тоннеле на станции метро «Маяковская»), и речи на параде, участники которого уходили с Красной площади на передовую линию фронта, Сталин говорил о великой русской нации – «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова...». Напомнив о «мужественном образе наших великих предков», он назвал имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

В период войны сформировалась **новая церковная политика** советской власти. Её главными чертами являлись относительная веротерпимость при контроле за религиозной деятельностью со стороны правительства. Эта политика способствовала также более широкой поддержке СССР в зарубежных странах. Подобный поворот был наиболее сложным для партийного руководства, считавшего атеизм важнейшей основой существования всей государственной системы после Октября 1917 г.

К середине 1920-х годов церковь отмежевалась от противостояния новому государству, но к тому времени преследования её служителей только набирали силу. В 1932 г. была принята т.н. «пятилетка безбожия». К концу 1939 г. из церковного руководства оставались на свободе единицы. Принимая во внимание, что, по данным переписи 1937 г., в СССР было более 40 млн. верующих христиан, сближение государства с церковью имело принципиальное значение для мобилизации максимума сил на борьбу с захватчиками и престижа власти как внутри страны, так и за рубежом.

Первый шаг в этом направлении сделал митрополит Сергей (И. Страгородский), обратившийся 22 июня 1941 г. к верующим с посланием, в котором благословил всех православных «на защиту священных границ нашей Родины». В свою очередь летом 1941 г. прекратилась антирелигиозная пропаганда и выход в свет журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и других. Влияние религии возрастало в наиболее тяжелые моменты войны. Богослужения в блокадном Ленинграде проходили при переполненных храмах. Верующие собрали средства на строительство танковой колонны им. Дмитрия Донского и авиационной эскадрильи им. Александра Невского. Примечательно, что средства жертвовались даже на оккупированной противником территории. Так, священник Ф. Пузанов из Псковской области собрал среди верующих золота и церковной утвари на сумму 500 тыс. рублей и передал их через партизан на «Большую землю». Многие священнослужители принимали активное участие в войне. В Красноярске в годы войны главным хирургом в эвакогоспитале работал епископ Лука (Л. Войно-Яснецкий). Позднее за научный труд ему была присуждена Сталинская премия,

большую часть которой он пожертвовал сиротам, пострадавшим от фашистских оккупантов.

Церковь постепенно обрела государственную опору. 4 сентября 1943 г. состоялась встреча Сталина с митрополитом Сергием, на которой было дано согласие правительства на избрание Патриарха Московского и Всея Руси, пост, который после кончины Тихона пустовал много лет. 18 сентября 1943 г. Собором епископов Патриархом был избран митрополит Сергей. После кончины Сергия в 1945 г. новым главой Русской Православной Церкви стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей.

Седьмой урок, который необходимо принимать во внимание, что в СССР целенаправленно стимулировалось положительное отношение к своим союзникам. Война была коалиционная, и поражения твоего боевого товарища на другом фронте не могло не восприниматься как удар по собственной армии.

СССР вел войну в союзе с западными державами. Материальная помощь по ленд-лизу и солидарность международной общественности укрепляли у советских людей веру в справедливость войны. Рождалось стремление к взаимопониманию с союзниками, преодолению искаженных представлений об их образе жизни. Большое значение в позитивном развитии этого процесса имели решение Сталина о роспуске Коминтерна (1943 г.), новый национальный гимн СССР (1944 г.), высокие оценки Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, другими западными политическими лидерами военных усилий СССР.

Поддержка советского народа в войне населением западных стран приобрела весьма широкие масштабы и с энтузиазмом встречалась в СССР. Это в первую очередь относится к массовым кампаниям в Великобритании и США за открытие второго фронта, увеличение выпуска военной продукции для Красной Армии. На этой основе получили развитие контакты советских профсоюзов с профсоюзами Великобритании и США. Активную переписку вели между собой советские, английские и американские ученые, общественные и культурные деятели.

Последующие недружественные действия руководства США и Великобритании в послевоенный период, равно как и пропаганда советского правительства вызвали у людей иные чувства и толкования позиции западных держав по отношению к СССР. Однако теплые чувства к простым воинам и трудящимся США, Великобритании, Китая и других союзных стран у советского населения оставались неизменными.

Восьмой урок — это ни с чем не сравнимый, кажущийся сегодня фантастическим, трудовой подвиг народа. И этот подвиг был основан, прежде всего, на моральных составляющих – не щадить живота своего, как не щадят своих жизней бойцы на фронте.

В годы войны люди отдавали максимум усилий для обороны страны. В июле 1941 г. молодой московский токарь Ф. Букин выступил с инициативой работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт, т. е. ежедневно выполнять две

нормы (200%). Его почин был подхвачен другими рабочими. Так возникло массовое движение «двухсотников». Вскоре стали известны «трехсотники», «четырёхсотники» и даже «тысячники». Это патриотическое движение, зародившись в военной промышленности, охватило постепенно все отрасли хозяйства. Патриотизм тружеников тыла ярко проявился в соревновании коллективов молодых рабочих комсомольских бригад за звание «фронтовых бригад». В середине 1945 г. такие бригады объединяли более миллиона юношей и девушек. Получить звание победителя в соревновании было престижно, это приносило денежные премии и дополнительные продукты питания.

Наибольший вклад в обеспечение фронта внесли женщины. Заменяя ушедших на фронт сыновей, мужей, отцов, они заняли ведущее положение в экономике. В 1945 г. женщины составляли 59% рабочих и служащих. Им нередко приходилось выполнять работу, считавшуюся традиционно мужской (электросварщики, токари, кузнецы и даже шахтеры). В сельском хозяйстве женщины составляли более 70% рабочей силы.

Самоотверженно в годы войны трудились советские ученые. В июле 1941 г. Президиум Академии наук принял решение нацелить все усилия на оборону страны. Ученые оказывали оперативную помощь предприятиям в освоении новых видов продукции, внесли незаменимый вклад в поиск месторождений полезных ископаемых, создание новых образцов вооружения и т. д. Вместе с тем продолжались фундаментальные исследования. С лета 1943 г. в АН СССР под руководством академика И.В. Курчатова возобновились исследования в области ядерной физики.

Работу, направленную на повышение военной мощи страны, выполняли и те ученые, которые были репрессированы. Создавались особые конструкторские бюро (ОКБ) под надзором НКВД. В народе их называли «шарашками». Одной из них руководил авиаконструктор А.Н. Туполев, который со своими помощниками из числа заключенных сконструировал фронтовой бомбардировщик Ту-2 и в 1941 г. был освобожден из тюрьмы.

Народ жил трудно, зачастую впроголодь. Нормы снабжения были дифференцированы по социально-производственному признаку. Преимуществом пользовались рабочие и служащие предприятий оборонной промышленности, транспортники. Рабочим, выполнявшим и перевыполнявшим норму, полагались дополнительные льготы. Привилегиями в снабжении продовольствием наделялись руководящие работники партийного и государственного аппарата.

В колхозах нередко после выполнения поставок государству не оставалось ничего из собранного урожая. Личные же хозяйства были мизерными. Деревня голодала.

Цены по сравнению с довоенными возросли в 13 раз. Получила развитие меновая торговля. Лишь к концу войны положение на колхозных рынках стало

выправляться. Чтобы не допустить голода в городах, правительство решило с весны 1942 г. выделить заводам и фабрикам земли для развития подсобных хозяйств, а рабочим и служащим – под огороды. С 1944 г. стала развиваться государственная коммерческая торговля. В коммерческих магазинах без карточек можно было купить продукты питания и непродовольственные товары, но по ценам, во много раз превышавшим их действительную стоимость.

Несмотря на все трудности с первых дней войны началась стихийная материальная и финансовая помощь Красной Армии со стороны населения. Всего за годы войны за счет добровольных взносов, обязательных платежей, взятых у населения займов, было получено до 20% бюджетных средств на военные нужды. По некоторым подсчетам, благодаря собранным за войну теплым вещам можно было одеть до 10 млн. бойцов. Следует отдельно сказать и о подарках бойцам Красной Армии. Чаще всего они были бесхитростными, отражали жизнь и быт того времени. Это табак, кисет, кусок мыла, рукавицы, тем более ценные, что в их сборе и отправке принимали участие дети. Во время войны только Вологодская область отправила на фронт 95 вагонов с подарками.

Французский историк А. Мишель в своем двухтомнике «Вторая мировая война» пишет: «Магнитогорск победил Рур... Немцы были разбиты противником, который, конечно, превосходил вермахт не только по количеству людских ресурсов, но по количеству и качеству вооружения. Они потерпели поражение от советской экономики, способной производить, несмотря на потерю наиболее богатых территорий СССР, больше вооружения, чем германская экономика... Немцы имели перед собой массы людей, обладающих большим воодушевлением и боеспособностью, источником которых была любовь к своей земле и преданность определенной политической системе».

Определенную роль в Победе в войне сыграл и ГУЛАГ. К 22 июня 1941 численность заключенных лагерей и колоний составляла 2,3 млн. чел. Когда началась война, многие лагеря были эвакуированы из угрожаемых районов в глубокий тыл. В июле и ноябре 1941 г. были изданы указы об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений – дисциплинарные нарушения, хулиганство, мелкие хищения и т.п. Значительная часть освобожденных по этим указам – 420 тыс. чел. была призвана в ряды РККА. Всего же до мая 1945 в Красную Армию было призвано 1,2 млн. заключенных, около 840 тыс. из которых было освобождено досрочно.

В то же время по отношению к другим категориям осужденных применение законодательства ужесточилось. В апреле 1943 г. вышел указ «О мерах наказания изменникам Родине и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ». В действующей армии были созданы военно-полевые суды, которые получили право приговаривать виновных к смертной казни через повешение или каторжным работам на срок от 15 до 20 лет.

В 1943 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось 1,5 млн чел., еще 240 тыс. находилось в тюрьмах. В экстремальных условиях военного времени положение заключенных серьезно ухудшилось. Несмотря на интенсификацию труда, норма их питания значительно снизилась. Все это отразилось на повышении смертности. За 1941-1944 годы умерло около 800 тыс. заключенных.

Большинство заключенных были настроены патриотически. Число отказывавшихся от работы сократилось в пять раз. В годы войны ГУЛАГ выполнял заказы для нужд фронта. Заключенные выпускали военные материалы, участвовали в строительстве оборонительных рубежей, хозяйственных объектов (заводов, железных дорог, угольных шахт и разрезов и т.д.). Их усилиями возведены металлургические комбинаты в Нижнем Тагиле, Челябинске, Норильске, многие аэродромы, шоссейные дороги, нефтепроводы. Всего на подведомственном НКВД строительстве за первые три года войны было занято около 2 млн. человек.

Девятый урок, касается того, как наши люди переносили жизнь под оккупацией.

За время Великой Отечественной войны противник захватил до 10% территории Советского Союза. Вся Украина, Белоруссия, Молдавия, республики Прибалтики, многие области Российской Федерации оказались под пятой оккупантов. Это были наиболее развитые районы, где до войны проживало примерно 45% населения страны. Захваченную территорию гитлеровцы разделили на части. На одной, лежавшей ближе к фронту, распоряжались военные власти, на другой была создана гражданская администрация в виде рейхскомиссариатов – «Остланд» и «Украина», которые подчинялись министерству по делам оккупированных восточных областей во главе с А. Розенбергом.

В начале 1942 г. под руководством Гиммлера был разработан «Генеральный план Ост», который предусматривал «онемечить балтийские страны», «решить польский, украинский, а также чешский вопросы таким образом, чтобы создать условия для заселения этих территорий немцами». Предусматривалось, в частности, онемечить до 50% латвийского населения, остальных латышей выселить в Сибирь. Выселить, а фактически – уничтожить надлежало от 30 до 50 млн. коренного населения СССР. В одном из документов этого плана делался вывод, что для установления немецкого господства в Европе надо добиваться «полного уничтожения русских» или их существенного ослабления, чтобы «разгромить русских как народ, разобщить их».

От рук оккупантов погибли миллионы советских мирных граждан, из них на Украине – 3,2 млн., в Белоруссии – 2,4 млн. (Цифры до сих пор уточняются историками). Фашисты совершали массовые акты насилия, казни ни в чем не повинных людей. Особенно зверствовали части СС, но массовые преступления совершали и обычные военнослужащие. Германская пропаганда и приказы предписывали не жалеть советских граждан. В годы войны оккупанты полностью уничтожили только в Белоруссии 5295 деревень. 186 деревень не смогли возродиться,

так как были уничтожены со всеми жителями, включая матерей и грудных детей, немощных стариков и инвалидов. В концлагерях были загублены, в том числе с помощью отравляющих газов, миллионы военнопленных, женщин, детей, стариков. Около 5 млн. гражданских лиц из оккупированных районов СССР были угнаны на работы в Германию. Из них сотни тысяч погибли в неволе.

Открытое выступление против оккупантов большинства населения было невозможно по той простой причине, что оно было безоружно, это были преимущественно женщины, дети и пожилые мужчины. Чтобы выжить, им нужны были средства к существованию. К середине 1942 г. под жестким надзором оккупантов работало примерно 22 млн. человек, из которых 20,8 млн. были крестьянами.

Имея планы превращения СССР в колонию третьего рейха и массового уничтожения его населения, оккупанты вели пропаганду о том, что Германия ведет войну якобы во имя неких «освободительных целей». Среди населения было немало коллаборационистов, на которых опиралась власть оккупантов, используя их в качестве служащих городских и районных управ, бургомистров, старост и их помощников в деревнях. Из местных жителей и военнопленных формировалась вспомогательная полиция и вспомогательные военные части, нанимались платные агенты и провокаторы. Большинство населения и военнопленных их презирало и относилось к ним как к врагам родины.

Германское руководство перед нападением на СССР считало, что ему удастся запугать и подчинить население оккупированных областей путем уничтожения его наиболее активной политической части – коммунистов, комсомольцев, членов местных Советов и др. С этой целью были созданы карательные части, так называемые айнзатцгруппы, каждая из которых состояла из 500-800 убийц. Встретить сколько-нибудь серьезное сопротивление в тылу своих войск командование вермахта не предполагало. Действительность оказалась иной.

Так как до войны мы думали воевать «малой кровью и на чужой территории», многие заранее собранные «схроны» и замаскированные базы для партизанского сопротивления в конце 1930-х годов были ликвидированы. Но партизанское движение у нас в стране развернулось в полную мощь. Немецкое командование этого просто не ожидало.

Через неделю после начала операции «Барбаросса», 1 июля 1941 г., начальник генерального штаба сухопутных войск Германии записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района.... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии».

Первые попытки сопротивления были естественной реакцией людей на вторжение вермахта. Совместно с местным населением против захватчиков выступали многие солдаты и офицеры Красной Армии, оказавшиеся в окружении. Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель издал 16 сентября

1941 г. приказ, согласно которому за покушение на жизнь одного немца предписывалось брать в заложники и уничтожать от 50 до 100 чел. из числа местных жителей.

Далеко не всегда люди шли на борьбу по политическим убеждениям. Они вставали на защиту Родины, своей семьи и своего образа жизни от нацистского «нового порядка», многие стремились отомстить за своих родных и близких. Побудительные мотивы были различны, но те, кто поднимался против оккупантов, отстаивали честь и достоинство страны.

3 июля 1941 г. в речи Сталина по радио прозвучали призывы к развертыванию партизанского движения. Получив поддержку местного населения и помощь с «Большой земли» борьба в тылу врага превратилась в массовое народное движение. Огромную роль в организации партизанских и диверсионных отрядов, действовавших за линией фронта, играли советские спецслужбы (НКВД). 30 мая 1942 г. Государственный Комитет Обороны постановил создать Центральный штаб партизанского движения. Начальником ЦШПД был назначен первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. Пономаренко. Одновременно при военных советах фронтов были созданы штабы по руководству партизанским движением. Улучшилась обеспечение партизанских отрядов средствами связи, боеприпасами, взрывчаткой, повысились размах и эффективность их боевых действий. С лета 1942 г. для борьбы с партизанами командование сухопутных войск Германии использовало до 10% немецких дивизий, находившихся на советско-германском фронте.

Численность партизан постоянно росла. К концу 1942 г. в тылу врага действовало 1770 партизанских отрядов и бригад, в которых насчитывалось 125 тыс. человек. В 1943 г. начался бурный рост партизанских сил. К концу этого года они увеличились вдвое, достигнув 250 тыс. человек.

Деятельность партизан была широкой. Они нарушали коммуникации противника, совершали боевые рейды в его глубокий тыл, обеспечивали командование Красной армии важными разведывательными сведениями, которые способствовали успеху наступательных операций и т.д.

Наиболее крупной в 1943 г. была проведенная партизанами операция «Рельсовая война», которая явилась составной частью битвы под Курском. Центральный штаб партизанского движения привлек к участию в этой операции около 100 тыс. человек, было взорвано 215 тыс. рельсов. В тылу врага создавались целые партизанские края – большие территории, отвоеванные у оккупантов и удерживавшиеся партизанами.

Партизаны немало сделали, чтобы воспрепятствовать массовому угону советских людей оккупантами на принудительные работы в Германию. В конце 1943 – начале 1944 г. до 40% принудительно вывозимых оккупантами граждан освобождалось партизанами и наступавшей Красной Армией.

В годы войны во вражеском тылу действовало советское подполье. Его важной функцией было обеспечение партизан разведывательной информацией, снабжение их медикаментами, оружием, боеприпасами. В историю войны навсегда вписан подвиг молодогвардейцев - подпольной организации комсомольцев в оккупированном Краснодаре (О. Кошевой, У. Громова, В. Третьякевич, С. Тюленин, - всего более ста человек). Они расклеивали листовки, убивали полицаяв, совершали дерзкие диверсии против немецких войск. В начале 1943 г. германским властям удалось выследить «Молодую гвардию» и зверски расправиться со многими ее членами. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили наместника Гитлера в Белоруссии гауляйтера В. Кубе, виновного в уничтожении тысяч советских граждан. С помощью подполья легендарный советский разведчик Н. Кузнецов ликвидировал заместителя рейхскомиссара Украины Г. Кнута и ряд других немецких военных преступников.

Важное место в деятельности подпольщиков занимала организация саботажа и диверсий на захваченных советских промышленных предприятиях. Германское руководство так и не смогло использовать многие советские фабрики и заводы для обеспечения собственных военно-экономических нужд.

Общее число партизан приблизилось к 2,8 млн. человек. Их поддерживали 220 тыс. подпольщиков, участвовавших в саботаже мероприятий оккупационных властей. Вместе с советскими партизанами на временно оккупированной территории СССР сражались тысячи иностранных граждан – поляков, словаков, чехов, венгров, болгар, испанцев, югославов и других. В то же время в европейском движении Сопротивления участвовали до 40 тыс. граждан СССР, оказавшихся за пределами своего отечества.

За героизм и мужество более 300 тыс. партизан награждены орденами и медалями, 249 партизанам присвоено звание Героя Советского Союза, а двое руководителей партизанского движения – С. Ковпак и А. Федоров – были удостоены этого высокого звания дважды. Имена героев-партизан вошли в историю.

Народная борьба в тылу немецких войск – одна из ярких страниц Великой Отечественной войны. Она имела крупное военное, политическое и экономическое значение. Потери противника в результате действий партизан и подпольщиков достигли 1 млн. человек. Партизаны подорвали или вывели из строя тысячи мостов, паровозов, вагонов, автомашин.

Десятый урок — большая война, проходящая на огромной территории, к сожалению, не обходится без большого количества пленных и лиц, которые пошли на сотрудничество с противником.

Плен – извечный спутник войны, но столько захваченных вражескими армиями военнослужащих, как во Вторую мировую войну, военная история, пожалуй, не знала. Надо четко признать, что СССР не был готов к такому повороту событий.

Всего за годы войны через немецкие лагеря прошло, по разным оценкам, от 5,2 до 5,7 млн советских военнопленных. Из этого числа погибло в плену от 3,3 до 3,9 млн – более 60%. В то же время, из всех военнопленных западных стран в немецком плену умерло около 4%. В приговоре Нюрнбергского трибунала жестокое обращение с советскими военнопленными было квалифицировано как преступление против человечности.

Судьба советских военнопленных относится к наибольшим трагедиям войны. Уже к началу 1942 г. в немецких лагерях («шталагах») для рядовых солдат и («офлагах») для офицерского состава) погибло до половины захваченных на то время советских пленных. Нацистское руководство проводило целенаправленную политику по их уничтожению. Ещё на этапе конвоирования военнопленных в («дулаги») (транзитные лагеря) немецкие охранники расстреливали раненых и выбившихся из сил. 6 августа 1941 г. верховное командование вермахта подписало директиву о снабжении советских военнопленных продовольствием, которая предусматривала дневной рацион: 200 г хлеба, 13 г мяса, 15 г жиров. Но даже и эта мизерная норма практически не выдавалась. Людей обрекали на медленную смерть.

Основной причиной смертности в лагерях в 1941-1942 гг. стали голод и эпидемии. Наиболее распространенными были тиф и туберкулез. Они косили военнопленных десятками тысяч. Квалифицированная медицинская помощь не оказывалась. Следить за ними могли лишь заключенные советские врачи, однако в их распоряжении не было лекарственных средств. За участие в Сопротивлении пленных либо убивали сразу, либо переводили в лагеря смерти, где регулярно совершались массовые казни. Мир навсегда запомнил такие названия лагерей, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Майданек, Саласпилс, Треблинка, Маутхаузен.

С самого начала немцы под страхом смерти эксплуатировали труд пленных. С 1942 г., в связи с возросшей нехваткой рабочей силы, Германия активизировала привлечение советских заключенных к различным работам. Советские военнопленные, в отличие от граждан других стран (французов, англичан, бельгийцев и других) направлялись на самые тяжелые работы в горнорудной, химической и строительной промышленности. Рабочий день продолжался 11-12 часов, размещение и питание были порой такими же, как в лагерях.

Следует отметить, что советское правительство в самом начале войны официально объявило о своем намерении на взаимной основе соблюдать Гагскую конвенцию. Что же касается Женевской конвенции², то, хотя СССР и не поставил под ней свою подпись, все её требования им в отношении германских и других пленных противника выполнялись. 1 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров утвердил «Положение о военнопленных», которым вражеским пленным гарантировалась

² Гагские конвенции 1899 и 1907 гг., Женевская конвенция 1929 г. — международные соглашения о законах и обычаях войны, которыми определялись также нормы обращения с военнопленными.

жизнь и безопасность, а раненым и больным медицинская помощь. Известно, до 9 мая 1945 г. Красная Армия захватила в плен более 3 млн. 777 тыс. военнослужащих противника. В плену умерло 381 тыс. военнослужащих вермахта и 137 тыс. солдат и офицеров союзных Германии армий (кроме Японии), то есть всего 518 тыс. человек, что составляет 14,9 % от всех учтенных военнопленных противника. После окончания советско-японской войны, Из 640 тыс. военнослужащих японской армии, захваченных в плен в августе-сентябре 1945 г., домой не вернулось 62 тысячи человек (менее 10 %). Эти данные не идут ни в какое сравнение с числом советских солдат и офицеров погибших во вражеском плену (напомним, более 60 %).

Те, кто попал в плен в первые недели войны, не знали своей участи. В дальнейшем пропаганда сообщала о пытках и расстрелах пленных красноармейцев. Уже после того, как в плену оказались сотни тысяч наших солдат, вышел приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г., согласно которому каждая советская часть, оказавшаяся в окружении, обязана была «сражаться до последней возможности». Добровольная сдача в плен считалась тягчайшим преступлением. Семьи военнопленных красноармейцев предусматривалось лишать государственного пособия и помощи, семьи сдавшихся или дезертировавших командиров – подвергать аресту. Хотя на практике репрессивные меры к родственникам военнопленных применялись довольно редко. Большинство военнослужащих, попавших в плен, числились в документах своих частей как пропавшие без вести.

Не желая мириться с нацистским адом, советские военнопленные в массовом порядке бежали из застенков. По неполным данным таких было около 450 тыс. чел. Многие были схвачены охранниками, убиты, но тысячи добрались до своих войск. Побегов такого масштаба не знала ни одна армия в мире. Самым дерзким по праву считается захват пленным советским летчиком М. Девятаевым и девятью его товарищами немецкого самолета на аэродроме Свинемюнде в феврале 1945 г., на котором они и перелетели на советскую сторону.

Плен и нечеловеческие условия существования – являются главными причинами того, что физически и морально обессиленный человек идет на сотрудничество с врагом (часто желая при первой возможности переметнуться к своим). Исключение составляли ярые противники советской власти и националисты. Тех, кто сотрудничал с германским вермахтом, в разгар войны стали называть «власовцами» – по фамилии бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. Власова, сдавшегося в плен в июле 1942 г. и развернувшего агитацию за сотрудничество с Германией.

Непримиримыми врагами советской власти были прежде всего белоэмигранты, оказавшиеся на территории, оккупированной германским вермахтом (П. Краснов, А. Шкуро, В. Каюм-хан и другие), а также часть репрессированных и по другим причинам недовольных советской властью граждан. Однако сотрудничество с врагами никогда не достигало таких масштабов, как,

например, во Франции, Бельгии или Голландии. Советский Союз избежал участи многих европейских стран, где в полную силу действовали так называемые «пятые колонны».

Попытки создания такой «колонны» на территории СССР предпринимались. Об этом свидетельствует деятельность некоторых националистических, в том числе мусульманских формирований — «Туркестанского комитета», «Волжско-Татарского комитета», «Крымского центра», «Северо-Кавказского штаба» и других. Все они находились под пристальным вниманием нацистских спецслужб, одним из направлений деятельности которых было содействие расколу Советского Союза, внедрение национальной розни. Эти «комитеты» и «штабы» активно помогали немецким властям создавать в оккупированных районах различные воинские формирования. Как правило, людей загоняли туда обманном путем. Создавались так называемые восточные легионы: туркестанский, азербайджанский, грузинский, армянский, северокавказский и другие. Их основу составляли батальоны численностью по 900 человек. Всего за войну было создано 90 таких батальонов и, кроме того, отдельный калмыцкий кавалерийский корпус.

В 1943 г. германское командование приступило к созданию в тылу боевых частей из военнопленных славянских национальностей. В разное время на стороне противника действовали: Русская национальная народная армия, Казачий стан генерала Т. Доманова, Казачий кавкорпус генерала Г. Панница и другие. В тылу немецких групп армий на Восточном фронте действовали «прибалтийские», «украинские», «русские» и другие формирования СС.

Значительная часть «восточных легионов», а также казаков, использовалась оккупационными властями Германии для подавления движения Сопротивления в различных странах Европы, в т.ч. в Польше, Югославии и Италии. Начиная с середины 1943 г. все больше коллаборационистов стали переходить на сторону партизан и бойцов Сопротивления.

К концу 1944 года относится создание первых боевых частей т.н. Русской освободительной армии (РОА) генерала А. Власова, которые дважды неудачно принимали участие в боевых действиях. Большинству власовцев не удалось избежать возмездия за предательство³.

В начале 1945 г. началось массовое освобождение Красной Армией советских военнопленных и гражданских лиц. Западные союзники передали советским представителям из своей оккупационной зоны 2,3 млн. человек, из которых 960 тыс. являлись бывшими военнопленными. Те, кто имел какое-либо отношение к службе в немецких частях, власовцы, полицейские и т.п. направлялись в спецлагеря НКВД, что фактически означало арест. Всего из 1,8 млн. бывших военнопленных

³ Сам Власов был задержан 12 мая 1945 г. в Чехословакии разведгруппой 25-го танкового корпуса. В 1946 г. он вместе с другими руководителями РОА был предан суду военного трибунала и казнен.

Красной Армии, прошедших проверку, было арестовано и передано органам НКВД 283 тыс. человек. Вторично в действующую армию было призвано 939 тыс. военнослужащих. Всего к 1 марта 1946 г. в СССР было репатриировано 5,3 млн человек, включая военнопленных и гражданских лиц.

Одиннадцатый урок Второй мировой войны состоит в том, что Победа в ней была достигнута коллективными усилиями стран Антигитлеровской коалиции. На самом деле в плане созданий условий для создания коалиции против агрессоров Советским Союзом было сделано немало, даже несмотря на предвоенные осложнения со своими главными потенциальными союзниками – Великобританией и США.

Советская внешняя политика с началом Второй мировой войны не упускала из виду возможность создания коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Несмотря на заключенный в августе 1939 г. советско-германский договор, в октябре 1939 г. возобновились переговоры СССР с Великобританией. В апреле 1940 г. началось сближение с США. Приобрела реальные очертания возможность объединения усилий СССР, США и Великобритании для борьбы с фашистским блоком. Однако Сталин не желал вызвать подозрения у Германии.

После нападения Германии на СССР, оказавшись, по сути, перед лицом общего врага, ответственные государственные деятели США и Великобритании были заинтересованы в организации действенного сотрудничества с СССР, хотя они не скрывали свое неприятие идеалов советской системы. Хорошо известно заявление сенатора и будущего президента США Г. Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Германии ни при каких обстоятельствах»^{xviii}. Оценки стали меняться после визита в СССР в конце июля 1941 г. и встречи со Сталиным личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса. Помощник президента увидел в Москве готовность сражаться, «безграничную решимость победить» и призвал Рузвельта к самой активной помощи СССР^{xix}. 3 июля И. Сталин, со своей стороны, заявил об уверенности в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Путь к созданию военно-политического союза трех держав был открыт.

В борьбе за свободу и безопасный послевоенный мир объединились страны с различными социально-политическими системами, сотни миллионов людей. Во главе коалиции находились СССР, США и Великобритания, которые одновременно с решением военных задач, обсуждали насущные вопросы устройства будущего мира. Важная роль в Большом союзе принадлежала Китаю, Франции, Канаде и ряду других стран. Решающей силой коалиции являлся Советский Союз, внесший основной вклад в достижении победы. Однако с самого начала существования Антигитлеровской коалиции в ней существовали две противоположные тенденции.

Одна вела к закреплению межсоюзнических связей, реальному боевому взаимодействию и достижению взаимопонимания в вопросах безопасности послевоенного мира, другая – к росту недоверия, желанию таскать «каштаны из огня» чужими руками, отказу признавать законные национальные интересы союзника.

Важнейшими этапами на пути складывания Антигитлеровской коалиции стали заключение англо-советского соглашения в июле 1941 г.; подписание Атлантической хартии и Декларации 26 государств; англо-советский договор и американско-советское соглашение 1942 г., переговоры союзных представителей 1941-1942 г. Конференции союзных держав 1943 - 1945 гг., на которых решались военные задачи и вопросы устройства будущего мира, стали ярким проявлением действенной силы коалиции.

СССР заявил в сентябре 1941 г. о своей согласии с основными принципами Атлантической хартии - декларации о совместных целях политики Великобритании и США, подписанной Рузвельтом и Черчиллем 14 августа 1941 г. Вступление США во Вторую мировую войну в декабре 1941 г., превратили советско-американское сотрудничество в фактор первостепенного военно-политического значения.

Основной целью визита У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. было убедить советского лидера в невозможности открыть второй фронт до конца этого года и показать Сталину перспективы наступления войск союзников в Северной Африке и Средиземноморье. Несмотря на порой жесткий тон переговоров советского и британского лидеров, им удалось найти общий язык по ряду вопросов и наладить более близкие отношения.

Начало мощного советского контрнаступления под Сталинградом в конце 1942 г. стало событием, которое заставило США и Великобританию окончательно признать факт решающего значения действий Красной Армии для дальнейшего хода войны и ее результатов.

Однако, после сталинградской победы и высадки американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. Рузвельт стал опасаться, что политика поднимающейся России будет идти вразрез с интересами Запада. Против тесного сближения с СССР выступали и влиятельные члены его окружения. Беспокойство будущим поведением СССР выражал и У. Черчилль.

Один из непреложных фактов этого периода борьбы состоит в том, что открытие второго фронта могло бы значительно приблизить окончание войны, сократить советские потери. Но союзники на это не шли. За открытие второго фронта советской дипломатии пришлось бороться всеми возможными мерами.

Вопрос о втором фронте Сталин поднял в переписке с Черчиллем и Рузвельтом уже вскоре после начала агрессии Германии. Но западные лидеры отмечали невозможность высадки в ближайшем будущем по причине превосходства немецких сил, нехватки десантных средств и неготовности своих войск. Наступление англо-американских сил в Северной Африке (1942) и

последующая их высадка на о. Сицилия (1943) связали боями лишь ограниченное число вражеских сил и не оказали кардинального влияния на ход борьбы на советско-германском фронте. Черчилль преследовал своей «средиземноморской стратегией» во многом британские интересы удержания послевоенного контроля над этим регионом.

В целом, проблема второго фронта на протяжении 1941-1944 гг. занимала первостепенное место во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией. В первой половине 1943 г. она вызвала самые серьезные разногласия между союзниками. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. высадки союзников во Франции не будет. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений. Из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И.М. Майский и М.М. Литвинов. Новым послом в США был назначен А.А. Громыко – будущий министр иностранных дел СССР.

Тем не менее, на Тегеранской конференции в ноябре-декабре 1943 г., где впервые за одним столом встретились И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, вопрос о сроках открытия второго фронта был окончательно решен. Союзники официально заявили, что высадят свои войска во Франции в мае 1944 г. Заслуга в этом советской стороны, конкретно Сталина, неоспоримы.

Второй фронт был открыт высадкой союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г. Действия Красной Армии с этого момента стали тесно координироваться с действиями армий западных союзников в Европе. Практически одновременно Красная Армия предприняла согласованное с западными союзниками стратегическое наступление в Белоруссии.

Со своей стороны, Красная Армия помогла союзникам разрешить кризис в Арденнах в конце 1944 – начале 1945 г. Мы передвинули сроки начала зимнего наступления Красной Армии с 20 на 12 января. К тому времени союзникам в основном уже удалось отразить немецкий удар. Но после известия о том, что советские войска перешли в широкое наступление, немецкое командование начало переброску ряда соединений с Запада на Восток, что еще более способствовало стабилизации фронта в Арденнах.

Второй фронт ускорил разгром нацистской Германии, но за двухлетний период ожидания его открытия - с мая 1942 до июня 1944 гг. - только безвозвратные потери советских вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн. человек.

Двенадцатый урок — за будущее мира и мирного устройства нужно бороться еще тогда, когда не отгремели пушки.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (В. Молотова, А. Идена, К. Хэлла) при активном участии Сталина проходила с 19 по 30 октября 1943 г. и была посвящена, главным образом, вопросам послевоенного мирного урегулирования. Были обсуждены германская, французская

проблемы, создание новой международной организации по безопасности. На Конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. были обсуждены проблемы, касающиеся послевоенного устройства, в том числе территориальные. Не было достигнуто никакого определенного решения по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно. Однако Сталин избегал брать на себя какую-либо инициативу в этом вопросе. Он высказался за ликвидацию самой возможности будущей германской агрессии, установление в Германии союзнического контроля над основными стратегическими пунктами, поднял вопрос о передаче СССР Кенигсберга.

В Тегеране Рузвельт изложил уже известную собеседникам схему построения будущей международной организации по безопасности. Лидеры трех держав обсудили сложнейшую польскую проблему, включавшую будущее политическое устройство этого государства и прохождение его границ. Позиция советской стороны о необходимости восстановления советско-польской границы по состоянию на 1941 г. и получения Польшей территориальной компенсации за счет Германии, не вызвала принципиальных возражений со стороны западных лидеров. Однако и Черчилль и Рузвельт пытались побудить Сталина наладить отношения с польским эмигрантским правительством, что было неприемлемо в условиях враждебного отношения последнего к Москве. Основная дискуссия по польскому вопросу развернулась позднее – в период Ялтинской конференции.

В целом советская точка зрения о необходимости восстановления довоенных границ СССР считалась западными союзниками обоснованной. Это касалось и вопроса о вхождения в состав СССР прибалтийских республик.

На конференции был затронут вопрос и свободного выхода СССР к «теплым морям». Его поднял Черчилль, который заявил, что СССР должен получить доступ к «незамерзающим портам».

Обострение противоречий между союзниками обострились к концу войны, и это в полной мере показали последствия Ялтинской конференции.

С вступлением Красной Армии на территорию стран Восточной Европы между союзниками обострились противоречия по вопросу послевоенного устройства мира, что укрепило во влиятельных американских и британских кругах тенденцию к недоверию Москве, нежелание ставить ее интересы в один ряд с интересами США и Великобритании. Западные союзники опасались, что СССР не ограничится включением восточноевропейских стран в сферу своего влияния и установлением в них просоветского режима, а пойдет дальше.

Одним из важнейших пунктов Ялтинской конференции 4-11 февраля 1945 г. для обсуждения стали условия капитуляции Германии, выработанные на заседаниях Европейской консультативной комиссии, и зоны ее оккупации. Лидеры трех стран подтвердили, что вооруженные силы СССР, США и Великобритании займут свои зоны

оккупации, причем Берлин будет выделен в особый район, где будет осуществляться совместный оккупационный режим. Вопрос расчленения Германии, о чем ранее говорилось в Тегеране, остался нерешенным. В отношении репараций с Германии участники переговоров смогли согласовать общую сумму репараций для СССР в качестве основы для дальнейших переговоров - в 10 млрд. долларов.

Самые тяжелые дискуссии между участниками конференции развернулись по вопросу о Польше. Окончательное определение границы Польши было решено отложить. Через несколько месяцев Потсдамская конференция трех держав закрепила реки Одер и Западную Нейсе как западную границу Польши. Таким образом, территория Польши существенно расширилась за счет бывших германских областей.

Наиболее существенной частью польского вопроса стала проблема создания нового правительства государства. Рузвельт не хотел признавать люблинское (просоветское) правительство и выступал за правительство с участием буржуазных политиков, находившихся в эмиграции. Рузвельта поддержал Черчилль, который отметил, что вопрос о Польше, после нападения на которую Великобритания вступила в войну, является для британцев «делом чести». Со своей стороны, Сталин отметил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». В итоге всех дискуссий Ялтинская конференция лидеров трех держав приняла по Польше следующее решение: «Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

Дискуссии о новом правительстве государства и его социально-политическом курсе продолжались и стали одной из причин обострения отношений между ведущими членами Антигитлеровской коалиции на заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания.

Положительно был решен вопрос о создании международной организации безопасности. Участники конференции договорились созвать 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференцию для учреждения Организации Объединенных Наций (ООН).

Тринадцатый урок — роль дипломатии на заключительном этапе войны приобретает еще большее значение.

И определяющую роль в этой дипломатии играют, конечно, главные ее действующие лица – лидеры государств. Их личные взаимоотношения лежали порой в основе принятия или непринятия самых сложных военно-политических и даже геополитических проблем. Приведем такой пример.

Сложнейшая прибалтийская проблема обострилась на Тегеранской конференции. Что было делать советскому лидеру в условиях нежелания ни Англии,

ни США признавать вхождение Эстонии, Латвии, Литвы в состав Союза после 1940 г.? Но если де-юре этого не получается, то возможно провести переговоры таким образом, чтобы все стороны остались при своих позициях, не были ущемлены их чувства достоинства, а дело было решено путем личного соглашения. Так произошло и с Прибалтикой.

На Тегеранской конференции 1 декабря 1943 года между Рузвельтом и Сталиным произошел следующий диалог:

Рузвельт заявил, что «В Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году.

Сталин. Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

Рузвельт. Дело в том, что общественное мнение не знает истории. Я хотел бы поговорить с маршалом Сталиным о внутреннем положении в Соединенных Штатах. В будущем году в Соединенных Штатах предстоят выборы. Я не желаю выдвигать свою кандидатуру, но если война продолжится, то я, может быть, буду вынужден это сделать. В Америке имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса... В Соединенных Штатах имеется также некоторое количество литовцев, латышей и эстонцев. Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита.

Сталин. Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю.

Рузвельт. Это будет мне полезно.

Сталин. Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля.

Рузвельт. Конечно, нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы.

Сталин. Конечно, это можно будет сделать. Я хотел бы знать, решен ли окончательно вопрос об отъезде завтра...»^{xx}.

На последнем этапе Второй мировой войны прибалтийский вопрос как бы отошел в тень. Сталин считал его решенным, полагая, что американский президент будет вполне удовлетворен такой формой волеизъявления народов Прибалтики, как участие в выборах в Верховный Совет СССР, что де-факто доказывало желание населения Эстонии, Латвии и Литвы жить, трудиться и участвовать в общественных процессах в составе Союза ССР.

Сталин стремился сохранять уважительное отношение к лидеру Британии Черчиллю, однако, считал необходимым и правильным решать главные вопросы в первую очередь с президентом США. Это проявилось и в согласовании позиций по вступлению СССР в войну с Японией. Это понимал и Рузвельт. Как отмечает профессор А. Кошкин: «Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он счел целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. Как рассказывал тогдашний посол СССР в США Громыко, уже утром следующего дня после открытия Ялтинской конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». В этом письме Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова. Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Можно сказать, — заключает профессор А. Кошкин, — позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Сталина к Рузвельту и как к человеку»^{xxi}

В этом отношении можно добавить и то, что Рузвельт искренне заботился о будущем советско-американских отношений, он не хотел терять тот дух сотрудничества, сложившийся в военное время, и желал перенести его на послевоенный период, хотя и с явной выгодой для американских политических и экономических интересов в Европе и во всем мире. Для Рузвельта основами будущего мироустройства было взаимопонимание между «четверкой полицейских» (США, СССР, Англии и Китая), но гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать именно США и СССР.

Еще один пример. США и Великобритания изначально не желали включения других союзных республик СССР в ООН, но, в конце концов, под нажимом нашей делегации обязались поддержать допуск в нее Украинской и Белорусской ССР. В Ялте рассматривался также вопрос о процедуре голосования в ООН. Советская сторона, пойдя на некоторые уступки Рузвельту и Черчиллю, отстаивала необходимость единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН по важнейшим решениям, касающимся сохранения мира, включая военные и экономические принудительные меры.

Крымская конференция стала крупнейшим международным событием завершающего этапа войны, свидетельством высокого уровня взаимодействия союзников по Антигитлеровской коалиции. Однако ялтинские переговоры, отмеченные достижением многих компромиссов, подчеркнули и многие разногласия между лидерами Большой тройки.

За годы Второй мировой войны между Рузвельтом и Сталиным сложились отношения взаимного уважения и честного партнерства. Личные доброжелательные отношения иногда омрачались такими инцидентами, как переговоры специальных американских и германских представителей в Берне без участия СССР о сдаче в плен немецкой группировки в Италии. Но этот «инцидент», под конец своей жизни Рузвельт считал ушедшим в прошлое, тем эпизодом, который не должен больше повторяться. Главное, пока был жив Рузвельт, оставалось личное доверие между ним и советским лидером. И каково было разочарование Сталина, который узнал о смерти Франклина Рузвельта! Как быстро изменился климат взаимоотношений не только между лидерами, но и ведущими дипломатами.

Согласно записи американского посла в СССР А. Гарримана, войдя в кабинет Сталина, в котором находились также Молотов и переводчик Павлов, он отметил, что Сталин, очевидно, очень глубоко переживал новость о смерти Рузвельта. Советский лидер молча приветствовал посла и держал его руку в своей около 30 секунд, прежде чем попросил сесть. Сталин задал Гарриману много вопросов о президенте и обстоятельствах его смерти. «Новый президент Мистер Трумэн, – добавил посол, – является тем человеком, который понравится маршалу Сталину – человек дела, а не слова». Молотов заметил, что Трумэн не произносил много речей, что для проведения в жизнь своих мирных планов, ему потребуется одобрение Сената. Посол не стал скрывать, что личность Трумэна, конечно, не могла бы иметь такого престижа, как у Рузвельта. Американцы пока не знают, как поведет себя Трумэн. Однако Гарриман сказал, что маршал Сталин может оказать содействие новому президенту, что положительно скажется на стабилизации всего общественного мнения в США. Американцы знали Рузвельта и Сталина как людей, имеющих близкие личные взаимоотношения. В этот момент советский лидер прервал посла следующими словами: «Президент Рузвельт умер, но его дело должно продолжать жить. Мы поддержим президента Трумэна всей нашей силой и желанием». Затем Сталин попросил посла передать эти слова самому Трумэну^{xxii}.

Речь пошла далее о том, что Кремль согласится на визит наркома иностранных дел СССР В. Молотова в США для участия в открытии Сан-Францисской конференции. Но что же произошло там, при первой же встрече Молотова с Трумэном?

Трумэн посчитал, что настало время оказать более сильное и непосредственное давление на Москву относительно «польского» и других послевоенных вопросов. Новый президент выбирал жесткую линию в отношениях с СССР. Через 10 дней после смерти Рузвельта Трумэн в беседе с Молотовым

коснулся достигнутых на конференции в Ялте договоренностей о проведении свободных выборов в Польше и имевшихся противоречиях по этому вопросу. После этого переговоры приняли довольно резкий характер. Президент повел беседу в однозначно обвинительном ключе. На слова Молотова, что так с ним «никто в жизни не разговаривал», Трумэн резко ответил: «Выполняйте заключенные вами соглашения, и с вами не будут так разговаривать!»^{xxiii}.

Какими словами теперь можно было охарактеризовать отношения между двумя государствами после такого пассажа нового президента? Нормальными назвать их уже не приходилось.

Четырнадцатый урок — окончание «горячей» войны зачастую означает начало войны «холодной».

Еще 22 мая 1945 г. Объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании представил Черчиллю план операции «Немыслимое», где были указаны направления ударов войск западных союзников в Европе против войск Красной Армии. Дата начала военных действий указывалась в документе - 1 июля 1945 г. Цель - нанести русским войскам тотальное поражение. Однако, изучив вопрос, имперский генеральный штаб пришел к выводу о неосуществимости этого плана ввиду превосходства сухопутных сил Красной Армии.

Потсдамская конференция, проходившая в пригороде Берлина (17 июля – 2 августа 1945 г.), стала последней за годы войны конференцией глав правительств СССР, США и Великобритании. Советскую делегацию возглавлял И. Сталин, американскую после смерти Ф. Рузвельта в апреле – президент Г. Трумэн, английскую – премьер-министр У. Черчилль, а с 28 июля после победы на парламентских выборах лейбористской партии – К. Эттли.

Участники конференции приняли проект организации Совета министров иностранных дел (СМИД) представителей пяти великих держав – СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. В ближайшие задачи СМИД входила выработка мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Финляндии.

Главное место в работе Потсдамской конференции заняла проблема Германии. Были согласованы основные принципы совместной политики к этой стране. Предусматривалось разоружение и демилитаризация страны. Дискуссии развернулись вокруг вопроса о репарациях с Германии. В конечном итоге был одобрен позональный принцип взимания репараций – каждой державой из своей зоны оккупации. Кроме этого для СССР было предусмотрено частичное получение репараций из западных зон. СССР обязывался передать часть репараций Польше. В Потсдаме, так же как ранее и в Ялте, вновь встал вопрос о будущем Польши. Сталин настоял на том, чтобы в Потсдам прибыли польские представители во главе с Б. Берутом, которые подтвердили свою позицию относительно западных границ государства и обещали проведение в стране демократических выборов. Американская и британская делегации подтвердили также свое согласие

относительно передачи СССР города Кенигсберга (с 1946 г. Калининграда) с прилегающими территориями.

На конференции был поднят вопрос о Турции, а также возможности основания советской базы в Черноморских проливах. Но предложения о советских базах и изменениях в советско-турецкой границе были отвергнуты.

Переговоры в Потсдаме показали, что разногласия между союзниками стали проявляться все чаще, и, тем не менее, сохранялась возможность разрешать их путем компромиссов. Такой подход, несомненно, отвечал интересам мирного сосуществования государств с различной социально-политической системой в послевоенном мире. Однако здесь же, на Потсдамской конференции, возник новый фактор, кардинально изменивший само представление о будущей безопасности – успешное испытание американской атомной бомбы. 24 июля в разговоре со Сталиным, Трумэн сообщил, что у США появилось новое оружие невиданной ранее разрушительной силы. Сталин, сделал вид, что не понял значения этого события, хотя знал об американском ядерном проекте и торопил советских ученых, занимавшихся подобными разработками. Применение атомного оружия преследовало двоякую цель – с одной стороны, показать Японии, что ее ожидает в случае продолжения войны, а, с другой, продемонстрировать американскую мощь перед Советским Союзом, что могло побудить его согласиться с американской точкой зрения по широкому кругу международных вопросов.

Каким-либо специальным решением Антигитлеровская коалиция не оформлялась и не распускалась. Достигнув своей главной цели - разгрома агрессоров - Большой союз занял достойное место в истории XX в. Среди важнейших результатов сотрудничества государств Антигитлеровской коалиции необходимо выделить создание Организации Объединенных Наций, Устав которой был подписан на заключительном заседании Сан-Францисской конференции 26 июня 1945 г. Высшим органом ООН, на который возлагалась главная ответственность за поддержание в будущем международного мира и безопасности, становился Совет Безопасности из 11 членов организации, включая 5 постоянных членов – СССР, США, Великобритания, Франция и Китай. Деятельность ООН и Совета Безопасности способствовала тому, что после окончания Второй мировой войны мир не рухнул вновь в хаос всеуничтожающей глобальной войны.

Тем не менее, бывшие союзники в войне «горячей» стали вскоре противниками в войне «холодной». Силowym фактором, обострившим противоречия между тремя великими державами и укрепившим их недоверие друг другу, явилось создание и применение в конце войны Соединенными Штатами Америки атомного оружия против японских городов Хиросима и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 г.). С атомной монополией и приходом к власти в США президента Г. Трумэна американская политика в отношении СССР существенно изменилась. Союзнические принципы все чаще сменялись предъявлением требований и односторонними решениями. Речь Черчилля 5 марта 1946 г. в Фултоне в присутствии Трумэна, в которой содержалась

негативная оценка политики СССР и говорилось о «железном занавесе»), который опустился над Европой по вине Советского Союза, была расценена в Москве как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами». Мир стал втягиваться в новую гонку вооружений.

Наверное, последний урок, который мы все должны вынести из Второй мировой войны, состоит в том, что ее итоги нужно защищать. Иначе всполохи нового глобального конфликта будут разгораться вновь.

Во-первых, защищать с таким трудом добытую Победу, честь и гордость советского воина-освободителя, который вознес знамя победы над Рейхстагом. Казалось, что этот факт невозможно опровергнуть никому и ни в какие времена. Но сегодня книжные прилавки Москвы пестрят названиями: «Умылись кровью» (это о нашей армии), «Как я бил маршала Жукова» и т.д. В Германии прошел фильм «Наши матери, наши отцы» - где есть сцены с советскими солдатами «насилъниками». Пишутся книги типа «Падение Берлина», где ее автор Э. Бивор доводит число изнасилованных немок советскими бойцами до 2 миллионов. Образ святого воина в западном сознании нивелируется, а значит, создается основа для мысли о том, что войну выиграли действительно «недочеловеки» (нацистская терминология!), а значит выиграли несправедливо. Не пора ли взять реванш? - спрашивают некоторые неонацисты.

Еще хуже обстоит дело с тем, когда сталинский и гитлеровский режимы пытаются поставить на одну плоскость в плане развязывания Второй мировой войны. Отечественная историческая наука и историография Великой Отечественной войны, как и общество в целом, пережили в 1990-х годах кризис, вызванный и пересмотром традиционных ценностей. Для многих историков приоритетными стали не четкие мировоззренческие и научные методологические позиции, а политические и псевдоморальные факторы. История Второй мировой и Великой Отечественной войн оказалась «полем боя» за историческую память, интерпретацию событий прошлого в соответствии с новой идейно-политической и геополитической конъюнктурой^{xxiv}. Введенные в 1990-е гг. в научный оборот новые архивные материалы дали возможность ряду отечественных и зарубежных историков и публицистов инициировать дискуссию вокруг проблемы «превентивности» нападения Германии, подготовки Советского Союза к «наступательной войне» или к нанесению упреждающего удара^{xxv}. Острота и масштабы дискуссии были связаны с публикацией книг беглого разведчика В. Суворова (Резуна) «Ледокол», «День М» и др., содержащих обвинения в адрес советского руководства в провоцировании Второй мировой войны и подготовке нападения на Германию в 1941 г.^{xxvi}

Что касается сочинений самого Резуна, то разоблачение его как фальсификатора не означает, что прекратились попытки навязать общественному сознанию соответствующие представления о предыстории Великой Отечественной войны. Например, в книге под редакцией профессора А. Зубова, подготовленной с участием академика РАН Ю. Пивоварова, версия об «упреждающем ударе»

превращается, без указания источников, в утверждение о наличии у СССР «плана агрессии», который означал «фактическое начало войны - внезапное и сокрушительное, так как это произошло с Финляндией 30 ноября 1939 г.»^{xxvii}.

Другими словами, борьба за правду истории Второй мировой войны не прекращается. Цена ее очень велика. Если мы остаемся на позиции правды, достижения победы свободолюбивыми народами, во имя мира, то и мир этот легче будет сохранить, не допустить новой бойни. Полуправда или откровенная ложь ведет к тому, что мы сейчас наблюдаем на Украине или в некоторых других соседних с Россией государствах.

Мы долгое время не заостряли внимание на этом вопросе, - видимо, потому, что и у нас в России в 1990-е годы в исторической науке и образовании также наблюдались разброд и шатания, а часто и открытая подмена понятий и передергивание фактов: герои объявлялись фанатиками, предатели – борцами с режимом и т.д. Сейчас мы опомнились, принимаем шаги к написанию объективных научных работ и учебников по истории Отечества. Но в таких странах, как Латвия, Эстония, Литва, Грузия, Украина, Молдавия и др., процесс искажения истины набирает обороты. Информация о знаковых событиях представляется в кривом зеркале. Например, в украинских учебниках термин «Великая Отечественная» просто выбрасывается – Украина, мол, вела свою отдельную войну в рамках Второй мировой, и она имела для нее неоднозначные последствия: «В сентябре 1939 года Украина вступила во Вторую мировую войну. Понесла тяжелые потери, украинский народ сделал достойный вклад в победу Объединенных Наций над агрессором». Мало того, что игнорируется факт общей победы народов, входивших тогда в состав СССР, затушевывается «альтернатива» этой победы – уничтожение любой государственности, физическое истребление и порабощение всех советских людей, в т.ч. и украинцев. В некоторых учебниках доходят до того, что пишут: «Отряды Украинской повстанческой армии под руководством **Степана Бандеры** освобождали украинские города и села от фашистских оккупантов, защищали мирное население. Однако советское правительство не хотело, чтобы Украина имела свою армию. Поэтому, когда в 1943 году украинские земли были освобождены от фашистских захватчиков, большевики начали воевать с УПА». Налицо желание во что бы то ни стало отгородиться от общей истории с Россией, Советским Союзом. При поиске «новых героев» Украины на поверхность всплывают не только спорные фигуры, но и лица откровенных пособников нацистов и кровавых убийц. Вместо оценки действий бандеровцев, на совести которых десятки тысяч жертв львовской и воынской резни, сожженные белорусские, польские, еврейские, украинские, русские деревни, убийства женщин и детей – растет ненависть к «чужим», ксенофобия, которая, как это ни печально стала определять сознание украинцев (и не только на Западной Украине, но и в центральных районах) в последнее время. Сейчас подросло уже то поколение жителей «незалежной», которое готово воспринимать Россию не только как «грубого» и «пьющего» соседа, но и как давнего противника, хитрого врага, который всегда стремился навредить

Украине. Чего, например, стоят строки учебников о Полтавской битве – это сражение, в котором «царские орды разбили казаков и шведов», «поражение шведско-украинского войска» имело «крайне неблагоприятные» последствия для Украины, «полтавская катастрофа 1709 года». Отсюда лежит прямой путь не просто к нагнетанию ненависти, но и к оправданию открытых военных действий, которые сегодня ведутся на Донбассе.

Но малые войны — прямая опасность к большим глобальным конфликтам.

В заключение хотелось бы высказать еще несколько слов о цене Победы. Без ее осознания нельзя говорить ни о каких уроках прошедшей войны

Мы уже говорили о цифре потерь СССР в 1941-1945 гг. – 26,6 млн. чел, в т.ч. 8,6 млн. – безвозвратные потери Красной Армии. Мы потеряли в войне цвет нации, людей беззаветно преданных своей Родине. Стоит напомнить, что Англия и США потеряли за всю войну меньше людей (США – 450 тыс., Англия – 350 тыс. чел.), чем погибло в одном блокадном Ленинграде – от 800 тыс., до 1,5 млн. чел.

Мы должны помнить и о цене освободительной миссии Красной Армии в Европе – более 1 млн. человек, о том, что только на территории современной Польши остались навечно лежать 600 тыс. наших отцов, дедов и прадедов. Сегодня некоторые политики на западе почему-то забывают, что если бы не наши павшие, то в этих странах возможно до сих пор поднимали бы руки в нацистском приветствии или оставались рабами немецкой арийской расы. Наш солдат отстаивал не только свою свободу и независимость, но и великие европейские ценности, которым на словах сегодня привержены и в Польше, и в Германии, и на Украине.

Кто-то подсчитал, что если бы все наши погибшие солдаты прошли сегодня парадом по Красной площади, то этот марш длился бы 21 день. Никто не должен быть забыт!

Но какие трактовки истории сегодня о Второй мировой войне мы слышим на Западе? В основном идет или прямая ложь, или передергивание фактов. Вот основные направления фальсификации:

1) попытка поставить СССР и Германию на одну плоскость исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны;

2) демонизация Красной Армии;

3) героизация нацистских преступников;

4) утверждение, что советские солдаты якобы завалили врага своими трупами.

Цель фальсификации ясна:

1. Доказать, что у современной России целиком преступное прошлое, и раз мы от него не отказались, то «цивилизованное общество» (Европа и США) не может сотрудничать с такой страной.

2. Пересмотреть итоги войны (в том числе территориальные и политические).

3. Создать из нацистских приспешников, которые воевали против Красной Армии (членов легионов СС, бандеровцев), пример для подражания. Героизация их деятельности направлена на выращивание ненависти к России в целом ряде восточноевропейских стран.

Идет зомбирование населения Украины. Но разделение наших народов будет иметь самые печальные последствия для будущего наших стран, и, прежде всего, для самого современного поколения украинцев, в которых воспитывается ненависть, кстати говоря, к своему же собственному прошлому – к реальным героям Украины – воинам Красной Армии, защищавшим свою землю в 1941-1945 гг. Ведь украинцы так же обороняли Севастополь, Москву и Сталинград, как русские и другие народы СССР вставали на защиту Одессы, Киева, Харькова.

4. Говорить, что мы завалили врага трупами – означает унижить подвиг нашей армии и народа. Нам пытаются внушить, что если мы так воевали, т.е. не жалели своих людей, то какое право мы имеем тогда на вхождение в цивилизованное общество?

Но утверждать об этом – откровенная ложь. Общее соотношение потерь нашей армии и армий Германии и союзных ей стран на советско-германском фронте составляет 1,3/1. Да в начале войны было всякое – враг напал неожиданно, армия по многим показателям не была готова к такой войне, которая началась. Но в Сталинграде, в Белорусской, Яско-Кишиневской, Крымской, Висло-Одерской, Берлинской операциях мы показали, как надо громить врага, неся меньшие потери, чем противник. Тяжелым опытом мы научились воевать малой кровью. Мы стали самой сильной сухопутной армией на свете. И наши враги, и наши союзники, несомненно, знали об этом. Правда, сегодня стараются забыть.

Трагические страницы Второй мировой войны призывают народы мира к бдительности. Ведь и сегодня насилие и террор остаются одними из главных инструментов политики некоторых стран. Демократические силы только своей доброй волей не способны противостоять массивной пропаганде войны (теперь уже под флагом борьбы за якобы саму демократию). Но демократия должна служить миру и свободе людей, а не убивать или закабалить их. Идет подмена понятий – очень опасная в настоящем мире тенденция. История Второй мировой войны в этом отношении должна быть не только учителем, но и надзирателем, чтобы под личиной «добродушных» и «демократических» дельцов к власти не прорвались новые гитлеры.

Об авторе:

Михаил Юрьевич Мягков — доктор исторических наук, научный директор Российского военно-исторического общества.

-
- ⁱ Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. С. 174
- ⁱⁱ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945: With a New Afterword. N.Y.: Oxford University Press, 1995. P.20-35
- ⁱⁱⁱ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971. С.237-238
- ^{iv} McCauley M. The Origins of the Cold War, 1941-1949. 3rd Ed. L., N.Y.: Addison-Wesley, 2003. P. 8.
- ^v 1939 год: Уроки истории / В.К. Волков, Р.М. Илюхина, А.А. Кошкин и др. Отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Мысль, 1990. С.56-57
- ^{vi} Там же С. 76-77
- ^{vii} Там же С.266, 269
- ^{viii} Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921-1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 117-118.
- ^{ix} Glantz D. Barbarossa: Hitler's Invasion of Russia 1941. Charleston, 2001. P.15
- ^x 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С.12-13
- ^{xi} 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С.17-18
- ^{xii} Киселев О.Н. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 439
- ^{xiii} Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941-1945. Факты и документы. М., 2005. С. 53
- ^{xiv} Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 95
- ^{xv} 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С.25, 30-32, 47-48
- ^{xvi} Анфилов В.А. Грозное лето 1941 года. М., 1995. С.100-101
- ^{xvii} Анфилов В.А. Указ. соч. С. 97
- ^{xviii} The New York Times. 1941. June 24.
- ^{xix} Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945. Сб. документов. В 2-х тт. М.: Издательство политической литературы, 1984. Т. 1. С. 482.
- ^{xx} Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 1. С. 453- 456.
- ^{xxi} Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век Факты. Документы. М.2003. С.501
- ^{xxii} A. Harriman to Department of State, April 13, 1945 (Memorandum «Meeting with Stalin»). – US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file. Cont. 178.
- ^{xxiii} Энциклопедия российско-американских отношений XVIII-XX века. / Авт. и сост. Э. Иванян. М.: Международные отношения, 2001. С. 571.
- ^{xxiv} См.: Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107–121; Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 299–310.

^{xxv} См.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? (незапланированная дискуссия). М.: АИРО-XX, 1995; Бобылёв П.Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. №5; Данилов В.Д. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 января; Мельтюхов М.И. "И на вражьей земле мы врага разобьем..." (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995; и др.

^{xxvi} Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну?: Нефантастическая повесть–документ. М., 1992; Суворов В. День-"М": Когда началась Вторая мировая война. М., 1994; и др.

^{xxvii} История России XX века 1939-2007. М., 2009. С. 34.